

Шостакович Дмитрий

21.09.69

Вырезка из газеты

ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ПРАВДА

21 сентября 1969

г. Ленинград

Газета № . . .

Тираж 44444 0200

Вечер музыки Шостаковича

ЭТА традиция установилась — в вечер открытия Ленинградского концертного зала первый концерт каждого сезона отдавать музыке Дмитрия Дмитриевича Шостаковича.

И вот в десятый раз, отмечая свой скромный еще юбилей, Концертный зал, до краев наполненный публикой, открыл свой сезон. И как всегда, в программе — Шостакович.

Три выдающихся инструменталиста, три профессора Ленинградской консерватории: Павел Серебряков, Михаил Вайман и Алексей Лазыко объединились в ансамбль, в трио. Первая их работа — Трио Шостаковича, произведение, написанное четверть века тому назад.

С поразительной проникновенностью вошел этот новый, только что родившийся ансамбль в глубины человеческой скорби, отчаяния, протеста против неостеримости конца, так гениально запечатленных Шостаковичем на страницах Трио. И в общей ансамблевой звучности, в монологах каждого из трех инструментов и в диалогах, звучащих не менее выразительно, чем человеческая речь, чувствуется не только высокий уровень мастерства, но и высокая правда чувств и мысли.

Было бы большой несправедливостью по отношению к тысячам слушателей, если бы этот редкий по художественной ценности ансамбль не продолжил своей работы, не стал бы постоянным «Трио Ленинградской консерватории».

В первом, камерном отделении концерта прозвучало также одно из последних сочинений Шостаковича, вокально-инструментальная сюита на стихи Блока.

Шостакович услышал в блоковском стихе прежде всего русскую интонацию, русскую распевность, искренность и прямолинейность выражения чувств, то, что роднит музыку блоковского стиха с Тютчевым, с Пушкиным, с народной песней, с подгитарной романсной лирикой.

Голос звучит то со скрипкой, то с роялем, с виолончелью, с разными сочетаниями трех этих инструментов, дополняющих спелое слово, развивающих заложенное в нем образное эмоциональное содержание.

Певица Кира Изотова внесла в исполнение Сюиты присущую ей академическую строгость отношения к музыке и слову, замыслу автора. Очень удалась ей «Песнь Офелии». Она захватила аудиторию своим порывистым, взволнованным исполнением «Бури».

Меньшее впечатление оставило второе отделение концерта, посвященное исполнению Пятой симфонии оркестром Ленинградской консерватории под управлением Максима Шостаковича.

Речь идет не о частных «случайностях», в конце концов, возможных в любом оркестре, а об общем характере звучания, вялом, неартистичном, несмотря на постоянное стремление дирижера Максима Шостаковича подвинуть, оживить, «подстегнуть» темпы и динамику. Лучше других удалась третья часть, прозвучавшая наиболее цельно. Оркестр в данном составе при исполнении произведений такой сложности, как Пятая Шостаковича, должен, по-видимому, вложить значительно больше труда и артистической взволнованности.

Третья часть симфонии убедила в том, что у оркестра есть необходимое «второе дыхание», оно только оказалось коротким, его хватило на одну часть.

Пятая симфония давно вошла в наш обиход, как одно из великих творений, в центре которого душевный мир нашего современника, его борьба с силами тьмы, силами зла, и победа, потрясающая нас в грандиозном звучании финала.

Вот почему, когдаходишь к Концертному залу на вечер Шостаковича, замедляя шаги у священного места — памятника Ленину, невольно вспоминаешь автобиографические строки Шостаковича: «Я был свидетелем событий Октябрьской революции, был среди тех, кто слушал Владимира Ильича на площади перед Финляндским вокзалом в день его приезда в Петроград. И хотя я был тогда очень молод, это навсегда запечатлелось в моей памяти». К этому можно добавить: и отразилось в творчестве композитора, давно ставшего властителем музыкальных дум нашего времени.

Леонид ЭНТЕЛИС